

РУССКАЯ И РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА: ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ОБУЧЕНИЯ

ЗНАЧЕНИЕ ЭПИГРАФА ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СМЫСЛА ТЕКСТОВОГО ЦЕЛОГО

С.З. Шейрамян

Национальный университет архитектуры и строительства Армении
Д. Маляна ул., 2/55, Ереван, Армения, 0096

В статье рассматривается роль эпиграфа в понимании идейного содержания всего текста и его части. Приводится большой фактический материал из русской классической литературы, которым иллюстрируются теоретический анализ и выводы.

Ключевые слова: эпиграф, идейный, содержание, литература, классический

Словарь иностранных слов предлагает следующую дефиницию слова «эпиграф»: «фраза (часто цитата), помещаемая перед сочинением или перед отдельным его разделом, в которой автор поясняет свой замысел, идею произведения или его части» [1].

Будучи неотъемлемой частью произведения, эпиграф, тем не менее, обладает структурной и семантической завершенностью и относительной независимостью. Он имеет свое четко фиксированное положение в структуре текста: всегда после заглавия (иногда и посвящения), однако перед основным, авторским текстом. Кстати, и набирается он тоже особым шрифтом.

Представляя собой цитату, а точнее, предтекстовую цитату, эпиграф не может считаться собственно авторским сочинением. Тем не менее именно автором он скрупулезно анализируется и тщательно отбирается.

Хотя эпиграф и не является неперемнным элементом структурно-семантической организации текста, отдельные авторы используют его довольно регулярно. А.С. Пушкин, например, свои прозаические произведения так часто снабжает эпиграфами, что это даже можно считать характерной чертой его писательского стиля. Возьмем «Повести Белкина». Они предваряются эпиграфом из «Недоросля», который служит своего рода смысловым стержнем всего цикла повестей.

Кроме того, каждая из повестей имеет свой эпитафия, а «Метель» и «Выстрел» — даже по два. «Пиковая дама» снабжена общим для всего произведения эпитафиям из «Новейшей гадательной книги»; но имеются также эпитафия к каждой из шести глав в отдельности.

Обилие эпитафиям является одной из особенностей романа Стендаля «Красное и черное». Произведение состоит из двух частей, каждой из которых предпослано по эпитафиям. Более того, имеют свои эпитафиям также все 30 глав первой части и 41 глава второй; итого: 73 эпитафиям!

Средний объем эпитафиям — минимум словосочетание («Правда, горькая правда» — к первой части романа Стендаля «Красное и черное»), максимум — целый текст (в отдельных случаях из нескольких абзацев).

Функционально-стилевой диапазон тоже очень широк: это могут быть цитаты из Библии, мифов, фольклора, художественной литературы, периодики, исторической хроники, энциклопедий, всевозможных справочников, словарей, учебников, деловой документации, частной переписки и т.д.

Анализ большого количества художественных произведений показал, что эпитафиям характерен более для эпических произведений, чем для драматических (из прозаических жанров следует отметить прежде всего романы и повести). Специфической особенностью драматического произведения является то, что оно предназначено для сценического воплощения. На сцене же эпитафиям нет места, и он остается за ее пределами. Не типичен в целом эпитафиям и для лирических произведений. Так, из семи драматических произведений А.С. Пушкина только одно («Каменный гость») снабжено эпитафиям, а из тринадцати поэм — только две («Бахчисарайский фонтан» и «Полтава»). О стихотворениях даже говорить не приходится. В качестве редкого исключения из правила можно привести снабженное эпитафиям стихотворение лицейского периода «К Наталье», датированное 1813 г.

Находясь (как и заглавие) в сильной позиции, эпитафиям призван раскрыть художественный замысел автора, выразить основную коллизию, тему, предупредить произвольность толкования идеи произведения, направить внимание читателя в заданном направлении, дать авторскую оценку изображаемому, воссоздать обстановку, в которой происходит действие и т.д.

Прямо соотносясь с заглавием произведения, эпитафиям может помочь разъяснить его смысл. Вот эпитафиям к роману Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол», заимствованный автором у английского поэта XVII в. Джона Донна:

Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе: каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если Волной снесет в море береговой Утес, меньше станет Европа, и также, если смочит край Мыса или разрушит Замок твой или Друга твоего; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе.

Полный высокой патетики, эпитафиям утверждает ответственность каждого за происходящее на Земле, за счастье и свободу людей.

С другой стороны, эпитафиям к роману А.И. Герцена «Кто виноват?» не дает никакого ответа на вынесенный в заглавие вопрос. Более того, эпитафиям как бы пред-

упреждает читателя, что виновников искать в романе будет, скорее всего, бесполезно:

А случай сей за неоткрытием виновных предать воле божией, дело же, почислив решенным, сдать в архив.

Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что в повести А.С. Пушкина «Метель» звучит мотив фатализма. В определенной степени к этой мысли нас приводит эпитафия из «Светланы» В.А. Жуковского, которого, кстати, тоже глубоко волновала тема судьбы. И действительно: все попытки Владимира обрести счастье оказались безуспешными; с другой стороны, Бурмин, не прилагая никаких абсолютно усилий, благодаря удачному стечению обстоятельств получил буквально все. Приведем отрывок из эпитафии к повести «Метель»:

...Вещий стон гласит печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Воздымая гривы...

А вот соответствующие строчки из баллады В.А. Жуковского:

...Ворон каркает: печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Подымая гривы...

Конечно, эпитафия, как и любая другая цитата, приводится автором для подтверждения или более точного выражения своей мысли, и поэтому он должен быть передан без искажений смысла и без изменения синтаксических конструкций. Между тем отмеченная выше незначительная коррекция чужого текста, взятого в качестве эпитафии, — это всего лишь прием, который А.С. Пушкин использовал в своей писательской практике неоднократно.

Сокращение предпосланного в качестве эпитафии чужого текста в угоду своему имеем в пьесе А. Блока «Незнакомка». Второй из эпитафий пьесы представляет собой скорректированную и в значительной степени сокращенную цитату из романа Ф.М. Достоевского «Идиот». Сцена с участием нескольких героев фактически трансформирована А. Блоком в диалог Настасьи Филипповны и князя Мышкина с целью предвосхитить свидание Незнакомки и Голубого [2. С. 561; 3. С. 89—90].

Предвосхищающим событие можно назвать и эпитафию к пятой главе «Пиковой дамы» А.С. Пушкина, где описывается видение Германна:

В эту ночь явилась ко мне покойница
баронесса фон В***. Она была вся
в белом и сказала мне: «Здравствуйте,
господин советник!»

Шведенборг

В «Капитанской дочке» при выборе эпитафий А.С. Пушкин впервые обратился к устному народному творчеству — песням и пословицам. Примечательно,

что ни в одном из его прежних произведений нет эпиграфа, заимствованного из фольклора. В «Капитанской дочке» их больше половины — целых десять (семь из которых заимствованы из песен с пометами *народная, старинная, солдатская, свадебная*, а три — пословицы). Эти эпиграфы, во-первых, вводят читателя в атмосферу подлинной народности, во-вторых, способствуют лучшему пониманию особенностей описываемых исторических событий, в-третьих, прямо соотносятся с характером действующих лиц. Пословица «Береги честь смолоду», предпосланная в качестве эпиграфа ко всему произведению и, следовательно, имеющая особую ценность, заключает в себе основной смысл отцовского наказа, полученного Гриневым накануне его отъезда на службу в Оренбург (в речи отца, однако, пословица эта используется в полном объеме: «Береги платье снову, а честь смолоду»).

Прагматическое назначение имеют эпиграфы, создающие фон, необходимый для понимания специфики изображаемых событий и характеров. Они не только вводят читателя в обстановку действия, но и создают определенное настроение. Таковы, например, эпиграфы к повестям А.С. Пушкина «Пиковая дама» («Пиковая дама означает тайную недоброжелательность» — Новейшая гадательная книга), «Выстрел» («Я поклялся застрелить его по праву дуэли (за ним остался еще мой выстрел)» — А. Бестужев-Марлинский), «Барышня-крестьянка» («Во всех ты, Душенька, нарядах хороша» — Богданович) и др.

Эпиграф по-своему может обозначить главную интригу произведения. Так, стихотворение Н.А. Некрасова «Железная дорога» предваряется разговором отца с сыном в вагоне поезда:

В а н я (*в кучерском армячке*):
Папаша! Кто строил эту дорогу?
П а п а ш а (*в пальто на красной подкладке*):
Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька!

Однако в дальнейшем всем текстом произведения это ошибочное с точки зрения поэта мнение опровергается. Возражая отцу, поэт «показывает» Ване правду. Кроме того, в эпиграфе содержится указание на социальный статус героя: пальто на красной подкладке носили в то время генералы.

В пьесе А. Арбузова «Таня» показан трудный процесс духовного перерождения молодой женщины Тани Рябиной, о чем свидетельствует эпиграф из Микеланджело:

... Так и я родился и явился сначала скромной моделью себя самого для того, чтобы родиться снова более совершенным творением...

Обобщенный характер эпиграфа помогает читателю разглядеть в произведении черты не только личной биографии героини.

Эпиграф может дополнить характеристику героя (иногда выделяя детали портрета):

Человек, у которого нет никаких нравственных правил и ничего святого! (*фр.*)

Эпиграф этот (к четвертой главе «Пиковой дамы» А.С. Пушкина) прямо соотносится с мнением Томского о Германне: «У него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Я думаю, что на его совести по крайней мере три злодеяния». Эпиграф у А.С. Пушкина воспринимается как сентенция, отражающая основную идею главного текста сочинения, — авторскую идею, но у А.С. Пушкина они разнообразны и выполняют, наряду с общей, также другие семантические функции [3. С. 5].

В эпиграфе к роману К.А. Федина «Костер», посвященному годам Великой Отечественной войны, очень четко выражен обобщающий смысл произведения:

Ветер задувает свечу и раздувает костер. (Костер народно-освободительной войны.)

Пророческий смысл имел эпиграф, предваряющий рассказ И.А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» (слова из Апокалипсиса «Горе тебе, Вавилон, город крепкий»). По признанию автора, эти слова «неотступно звучали» в его душе в тот период, когда зарождался замысел рассказа, т.е. накануне первой мировой войны.

В своем романе «Новь» о революционно-народническом движении 70-х гг. XIX в. И.С. Тургенев, по собственному признанию (в письме к М.М. Стасюлевичу от 22 декабря 1876 — 3 января 1877 года), решил «взять молодых людей, большей частью хороших и честных и показать, что несмотря на их честность, самое дело их так ложно и нежизненно, что не может не привести их к фиаско» [5. С. 494]. Не верящий в саму идею революционного преобразования России, в готовность народа к революции, он все же относился с глубоким уважением и сочувствием к героическому порыву и самоотверженности молодежи. Подобная установка романа не могла не вызвать различные, порой даже взаимоисключающие комментарии. Но более всего разночтений вызвал эпиграф к роману, который, по замыслу автора, наоборот, должен был сузить границы толкования содержательно-фактуальной информации:

Поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой,
но глубоко забирающим плугом.

(Из записок хозяина-агронома)

С целью прекратить полемику И.С. Тургенев счел необходимым дать к эпиграфу дополнительные разъяснения: «Плуг в моем эпиграфе не значит революция — а просвещение». [5. С. 494].

В качестве эпиграфа к роману «Анна Каренина» Л.Н. Толстой использовал библейское изречение «Мне отмщение, и аз воздам», тем самым взяв свою героиню под защиту. Писатель был убежден, что такие люди, как графиня Вронская, Лидия Ивановна, княгиня Бетси не имеют морального права судить Анну. Уместно здесь вспомнить мысль Л.Н. Толстого: «Много худого люди делают сами себе и друг другу только оттого, что слабые, грешные люди взяли на себя право наказывать других людей. “Мне отмщение, и Аз воздам”. Наказывает только Бог, и то только через самого человека» [4. С. 95].

О преэминентности идей и художественных образов свидетельствует эпитафа к первой главе романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», предваряющей появление Воланда в Москве, на Патриарших прудах:

... так кто ж ты, наконец?
— Я — часть той силы,
что вечно хочет
зла и вечно совершает благо.
Гете. «Фауст»

Следует отметить и случаи, когда эпитафа появляется перед основным текстом произведения уже после завершения работы над ним. Известно, например, что Н.В. Гоголь продолжал работу над комедией «Ревизор», внося довольно существенные поправки даже после ее публикации и премьеры. Эпитафа же появилась лишь в 1842 г. и представлял собой ответ Н.В. Гоголя на негодование определенных слоев русского общества в связи с постановкой комедии и на обвинения его в клевете. Подчеркивающий обличительный смысл «Ревизора», эпитафа

На зеркало неча пенять,
Коли рожа крива

дает понять, что комедия, подобно зеркалу, является всего лишь отражением далеко не совершенной реальной жизни. Выступающая в роли эпитафа народная поговорка прямо соотносится с известным высказыванием Стендаля о том, что художественное произведение — это «зеркало, проносимое по большой дороге».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Блок А.А. Избранные сочинения. М.: Худ. лит., 1988.
- [2] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 томах. Т. 8. Л.: Наука, 1973.
- [3] Мадоян В.В. Эпитафы А.С. Пушкина // «Душа в заветной лире». Ереван: Айастан, 1999. С. 5.
- [4] Толстой Л.Н. На каждый день: учение о жизни, изложенное в изречениях. ПСС в 90 томах. Т. 44. М.-Л.: Худ. лит., 1932.
- [5] Тургенев И.С. Собрание сочинений и писем в 28 томах. Т. 11. М.-Л.: Наука, 1966.
- [6] Словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1988.

THE ROLE OF THE EPIGRAPH IN COMPREHENSION OF THE WORKS OF FICTION IDEOLOGICAL CONTENT

S.Z. Sheyranyan

Yerevan State University of Architecture and Construction
D. Malyan str., 2/55, Yerevan, Armenia, 0096

The article is devoted to the role of the epigraph in comprehension the main idea of the literary text and/or its separate parts in fictional writing. The author appeals to a great deal of factual materials from Russian classical literature for the use of theoretical analysis and deduction.

Key words: epigraph, ideological, content, literature, classical

REFERENCES

- [1] Blok A.A. *Izbrannye sochinenija* [Selected works]. Moscow, Hud. lit. Publ., 1988.
- [2] Dostoevskij F.M. *Polnoe sobranie sochinenij. v 30 tomah.* T.8 [Complete works in 30 volumes. V.8]. Leningrad, Nauka Publ., 1973.
- [3] Madojan V.V. *Jepigrafy A.S. Pushkina // Sb. "Dusha v zavetnoj lire"* [Epigraphs of A. S. Pushkin // Col.works "The soul in treasured lyre"]. Erevan, Ajastan Publ., 1999, P. 5.
- [4] Tolstoj L.N. *Na kazhdyj den': uchenie o zhizni, izlozhennoe v izrechenijah* [Every day: the science of life, contained in the sayings]. *Polnoe sobranie sochinenij. v 90 tomah.* T. 44 [Complete works in 90 volumes. V. 44]. Moscow-Leningrad, Hud.lit. Publ., 1932.
- [5] Turgenev I.S. *Sobranie sochinenij i pisem v 28 tomah. T. 11* [Collected works and letters in 28 volumes. Vol. 11.]. Moscow-Leningrad, Nauka Publ., 1966.
- [6] *Slovar' inostrannyh slov.* [Dictionary of foreign words]. Moscow, Rus. jaz. Publ., 1988.